

Мы относимся к мусору с отвращением. Мусорный потоп нас тревожит и пугает, набирающие силу помойки раздражают нас. Страх, гнев, отвращение – вот эмоциональная окраска мусора. Однако возможен и другой взгляд. То, что вызывает у нас букет «хаотических переживаний», – это и есть мусор. В таком случае, под определение «трэш» подпадает множество сущностей, казалось бы, далеких от привычного представления об отбросах. Один из самых болезненных вопросов современного мира – люди, целые группы людей, народы, социальные слои, которые воспринимаются другими людьми со страхом, гневом и отвращением. Социальный мусор, отбросы, шваль... Для таких людей придумывают пренебрежительные клички, их обвиняют в глупости и безнравственности. Традиции восприятия Другого в качестве мусора, надо сказать, довольно древние. «Варвары» по-латыни или «млечча» на санскрите – те, кто не могут нормально говорить, заикаются или вообще немые («немцы»). В прошлом в категорию мусора люди чаще всего попадали по национальному или политическому признаку. Жители России несколько поколений назывались «комми» как носители страшной и отвратительной коммунистической идеи. Теперь слова «раски», «тибла», «москали» скорее характеризуют людей наглых, агрессивно невежественных и жадных, но не обязательно русских. Сегодня, когда национальные границы размываются и само понятие нации утрачивает актуальность, границы между «настоящими людьми» и «человеческим мусором» проводятся скорее в плоскости уклада жизни. Если человек живет иначе, чем я, если у него иная система ценностей и жизненные цели, – значит, он слишком глуп, чтобы жить правильно (то есть как я), он варвар, шваль, мусор. Статья замечательного иркутского ученого, историка и культуролога Виктора Иннокентьевича Дятлова – о том, как массовые эпидемии страха и ненависти к Другому возникают и трансформируются, как противоположны они здравому смыслу и как их используют морально нечистоплотные политики для своих эгоистических целей.

«Желтая опасность» как орудие «мирового еврейского заговора»: на границе «великих ксенофобий» /

текст
Виктор Дятлов /
text
Victor Dyatlov

Эпоха модерна породила феномен общемировых массовых фобий, несущей конструкцией которых были ксенофобии. Можно говорить даже о «великих ксенофобиях» – великих в смысле их общемирового характера и массовости, глубины воздействия на огромные человеческие массы в качестве регулятора их поведения и умонастроений. И это было не обычное и извечное отторжение «чужого», опасливое отстранение от него. Это мироощущение скорее можно сравнить с болезненной реакцией организма по отторжению собственной, но органически чужеродной части.

Формировались эти феномены в Европе – но быстро принимали общемировой характер. Они охватывали не только собственно европейский мир (США, Австралию, Новую Зеландию, Южную Африку), но распространялись и на модернизирующиеся восточные общества. Формируется всемирный механизм «идеологического заражения», индоктринации. В качестве самых ярких иллюстраций можно сослаться на феномен антисемитизма в Японии¹, на случаи «кровавого навета» и еврейских погромов в Сирии и Египте во второй половине XIX века², на известные слова короля Сиам о том, что «китайцы – это евреи Азии». Имеется гипотеза и о том, что источником антисемитизма в средневековой Европе был страх перед исламом, мусульманским нашествием³.

К началу XX века в качестве ведущих, наиболее распространенных окончательно сформировались комплексы «мирового еврейского заговора» (как вариант «жидомасонского заговора») и «желтой опасности» (yellow peril). В конце века их решительно потеснила «исламская угроза». Сейчас постепенно набирает силу «нашествие мигрантов».

Не очень часто, но фиксируются параллели, совпадения, сходства в ксенофобиях, вызванные их совпадающей функциональной ролью, перетоками, перенесением образов, символов и дискурсов⁴. Особенно отчетливо это видно в паре «еврейский заговор» – «желтая опасность». Содержательный и подробный анализ этой стороны проблемы содержится в статье Вадима Россмана. В. Н. Топоров прослеживает пере-

плетение этих образов в романе Андрея Белого «Петербург»⁵.

Принято считать – и для этого есть масса серьезных оснований, что в основе существования этих и других ксенофобий лежат общие причины (прежде всего потребность в образе врага), распространены они у сходных или одних и тех же психологических, идеологических и политических типов и групп людей. Но сами они не стыкуются, радикально отличаясь по генезису, истории и объекту формирования, сроку существования, мотивации страхов и т. д. Или, как отмечалось, они могут существовать параллельно, дополняя и усиливая друг друга.

Но иногда и параллельные прямые пересекаются. Таковую вот «неевклидову геометрию» мы сможем увидеть в конструкции, когда две фобии сливаются в одну, создавая совершенно запредельную картину мирового заговора, участниками которого становятся евреи и китайцы (или вообще «желтые»), в некоторых вариантах оба врага вообще сливаются в одно целое: и китайцы (или их большинство) оказываются или воплощением еврейства, или еврейством как таковым.

В начале формирования такой конструкции происходит переход от сопряжения, сосуществования «смертельных угроз», их взаимного усиления благодаря кумулятивному эффекту к взаимному использованию, сознательному и целенаправленному взаимодействию. Это принципиально важный переход, так как само существование смертельной угрозы может и не подразумевать сознательного враждебного действия, врага как актора, личности, обладающей разумом и свободой воли. Пусть даже эти качества и не являются человеческими. Здесь же субъект враждебных намерений и действия присутствует. Однако это не отдельный человек, не группа добровольно объединившихся лиц, даже не государство. Это евреи, китайцы, желтые, – как сказали бы сейчас, – примордиальные общности, к которым отдельный человек принадлежит по факту рождения, а не в результате сознательного выбора. И эта принадлежность автоматически предопределяет абсолютное единство взглядов и действий, деятель-

1. Ben-Dasan I. The Japanese and the Jews. N.Y.: Weatherhill, 1982.
2. Landau J.M. Ritual Murder Accusations in Nineteenth-Century Egypt // J.M. Landau. Middle Eastern Themes. Papers in History and Politics. L.: F.Cass, 1973. P. 99-142; Frankel J. The Damascus Affair. "Ritual Murder" and the Jews in 1840. Cambridge: Cambridge Univ. press, 1996; Haddad M.Y.S. Arab Perspectives of Judaism. A Study of Image Formation in the Writings of Moslem Arab Authors. S.I., 1984.
3. Culter A.H., Culter H.E. The Jew as Ally of the Muslim: Medieval Roots of Anti-Semitism. Notre Dame (Ind.): Univ. of Notre Dame press, 1986.

The modern era gave birth to the phenomenon of the global mass phobias supported by xenophobias. One can even call them the “great xenophobias”: “great” means their worldwide and mass nature, their deep effect on huge human masses as a regulator of their behavior and mentality. This is not an ordinary age-old rejection of an alien. Such world perception could be compared with a painful reaction of an organism trying to reject its own but organically foreign part.

The “world Jewish conspiracy” (as a variation of the “Judeo-Masonic conspiracy”) and the “yellow peril” had become the leading and prevailing complexes by the beginning of the XXth century. In the late XXth century

the leading role was taken by the “Islamic peril”. Now the “migrant invasion” is gradually growing in strength.

During the XXth century both the inner structure of the “great xenophobias” and their place in the social conscience changed drastically. The mobilizing strength went down in proportion to rationalization and recession of the mystical and transcendental component. However, the vacant place was quickly occupied by a new phobia with its own irrational filling. This speaks for a public demand for such a construct and points to the fact that the society (or its principal part) needs the phenomenon of external peril. While lacking it, the society creates it.

“Yellow Peril” as an Instrument of the “World Jewish Conspiracy”. On the Line of “Great Xenophobias”

ность, в том числе, и политического характера в качестве единого тела.

Один из текстов подобного рода принадлежит человеку и политику, представлять которого нет необходимости, – В. Пуришкевичу. В своем послесловии к книге П. Ухтубужского⁶ он формулирует тезис о том, что евреи сознательно саботируют борьбу с надвигающейся грозной «желтой опасностью», дабы подорвать мощь России и ввергнуть ее в пучину смуты и революции. Таким образом, конструируется модель, в которой один смертельный враг сознательно использует мощь другого в качестве инструмента для реализации своих целей.

Его современник, известный и плодовитый публицист, многолетний обозреватель «Нового времени» М. О. Меньшиков также неоднократно возвращался к мысли о том, что «расы», к которым он относил среди других и китайцев с евреями, настолько несовместимы друг с другом на биологическом уровне, что испытывают друг к другу инстинктивное «расовое отвращение». «Негр ненавистен американцу уже тем, что он негр. Китаец противен не чем иным, как лишь своим китаизмом: желтой кожей, косыми глазами, запахом, манерами». «Кроме экономической опасности, господствующие народы чувствуют просто физиологическую опасность покушения на чистоту своей расы, на плоть и кровь свою, понимая, что в особенностях крови все могущество народа. В диких на вид погромах и манифестациях обнаруживается протест естественной чистоты расы против противоестественного смешения их». Что касается евреев и китайцев, то их объединяет «экономический паразитизм» и «древнее притязание Азии владеть нами»: «...азиатский наплыв идет днем и ночью и подмывает самые устои нашего царства». Для этого «евреи всего мира объявили войну России». «В наши годы евреи всего света накликают на Россию вражду народов и уже успели (через еврейскую печать в Америке) вызвать японское нашествие»⁷. Та же, что и у В. Пуришкевича, идея об инструментальном использовании одним врагом (евреями) потенциала другого

(китайцев, японцев) для тотального уничтожения «нашей расы». И это не акции отдельных лиц и организаций, а целенаправленная и организованная деятельность «расы», единого биологического организма, несовместимого с другими.

Любопытный и политически легко объяснимый поворот темы мы находим в русских эмигрантских газетах в Китае⁸. На страницах шанхайского «Нашего пути» (1941 год) «кровожадные, хищные и алчные евреи» предстают смертельным врагом уже Китая. «Эти международные бунтовщики и заговорщики имели в виду захватить в свои руки Китай и превратить его в свою революционную базу против всех азиатских монархий и их народов, а также восстановить его против Монархической России». Для этого «евреями было организовано в Китае боксерское восстание, вследствие которого Китай потерял часть своей территории и очутился в невыгодных для своей нации условиях». Сейчас же «иудо-масонский Коммунистический Интернационал» «насаждает в Китае власть советов» и этим подрывает его нормальную общественно-политическую жизнь. «Националистическому Правительству Китая» рекомендуется «взять в поле своего зрения всех проживающих в Китае евреев, как инициаторов антиправительственных волнений и захватчиков экономической и политической жизни страны»⁹.

Продолжает идею еврейско-китайского заговора, обращенного против России, уже ближе к нашему времени публицист русского зарубежья В. Криворотое¹⁰. По его мнению, «желтая опасность» становится в наши дни реальной угрозой нашей родине. Она мостится на огромном протяжении наших азиатских границ у самого ложа больной и едва начавшей выздоравливать России». А евреи, «поджигатели» и «мировые спекулянты» типа А. Амальрика, прогнозировавшего в своей знаменитой книге¹¹ неизбежность советско-китайской войны и краха СССР, Г. Киссинджера, начавшего тогда процесс американско-китайского сближения, «наускивают желтый Китай на белую Россию». И это не частное дело отдельных людей, а реализация плана

4. О механизме подобных операций см.: MacMastcr N. "Black Jew" – "White Negro". Anti-Semitism and the Construction of Cross-Racial Stereotypes // Nationalism and Ethnic Politics. 2000, vol. 6, N 4, Winter. P. 65–82. Россман В. Призраки XX века: «желтая опасность» и еврейский заговор в европейских сценариях заката Европы // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. № 2–3. М.: Дом еврейской книги, 2003. С. 11–52.

5. Топоров В. Н. О «евразийской» перспективе романа Андрея Белого «Петербург» и его фоносфере // Евразийское пространство: звук и слово. М.: Композитор, 2000. С. 83–124.

6. Ухтубужский П. Русский народ в Азии. 1. Переселение в Сибирь. 2. Желтая опасность. Изд-е Русского народного союза Михаила Архангела. СПб., 1913. С. 87–99.

7. Меньшиков М. О. Письма к русской нации. М.: Изд-во журнала «Москва», 2000. С. 272–274, 282, 324–330.

8. Я благодарен Михаилу Рожанскому за любезно предоставленные копии этих статей.

> в Несколько кварталов в центре Иркутска, возле Центрального рынка, давно превратились в район компактного размещения торговли китайских «челноков». В преддверии Нового года китайцы здесь продают иркутянам подделки под американские рождественские игрушки, маскарадные костюмы и маски пиратов, Красной шапочки и Спайдермена... Здесь все дешевле, чем в магазинах, но многие жители Иркутска принципиально не ходят «на Шанхайку»: ксенофобия оказывается сильнее желания сэкономить. Впрочем, и постоянные посетители этого диковатого рынка говорят, что в последнее время китайские торговцы становятся более агрессивными и недоверчивыми. Даже фотографировать их на рабочих местах становится непросто, а порой и небезопасно.

Фото Евгении Крайневой

«еврейского заговора». Нееврейское происхождение А. Амальрика, разрушающее такую стройную конструкцию, он игнорирует.

И наконец, общую, глобальную, логически завершенную картину этого «заговора» рисует современный российский автор Р. Русаков¹². Китай и сионизм, считает он – две крупнейшие силы глобального значения. И они союзники в борьбе за мировое господство.

В основе теснейшего еврейско-китайского сотрудничества, в частности против России, лежит не только совпадение интересов, «ярко выраженный торгашеский склад ума и гегемонистские амбиции, присущие этим двум нациям». Главное же то, что значительная часть китайцев – это на самом деле евреи. И далее, отталкиваясь от общеизвестного факта многовекового существования малочисленной группы «кайфунских евреев»¹³, он доводит их численность до десятков миллионов. Все лидеры страны в XX веке – от Сунь Ятсена до Мао Цзэдуна, Чжоу Эньлая и Дэн Сяопина, по его версии, или скрытые евреи, или мужья евреек. Поэтому Китаем управляют сионисты, и любое противодействие китайской экспансии в современную Россию встречает ярое противодействие евреев здесь.

Книга эта (или отдельные ее главы) широко представлена на националистических сайтах в Интернете. В ней имеются необходимые атрибуты научного исследования – научно-справочный аппарат, ссылки на литературу на нескольких языках, в том числе на китайском. Автор демонстрирует знание внутренней жизни Института Дальнего Востока АН СССР. И это еще больше усиливает ощущение абсурда.

Книга эта (или отдельные ее главы) широко представлена на националистических сайтах в Интернете. В ней имеются необходимые атрибуты научного исследования – научно-справочный аппарат, ссылки на литературу на нескольких языках, в том числе на китайском. Автор демонстрирует знание внутренней жизни Института Дальнего Востока АН СССР. И это еще больше усиливает ощущение абсурда.

О предыстории книги рассказывает А. В. Лукин со ссылкой на крупнейшего отечественного китаеведа Е. П. Бажанова. Тот работал в конце 1970-х – начале 1980-х годов в советском посольстве в Пекине, а позднее – в Международном отделе ЦК КПСС¹⁴. Книга была написана сыном осевшего в СССР опального коммунистического лидера Ван Мина на основе аналитической записки, поданной им в Международный отдел ЦК КПСС. Первый заместитель заведующего Международным отделом О. Б. Рахманин, возглавлявший, по оценке А. В. Лукина, группировку, заинтересованную после смерти Мао Цзэдуна в сохранении обстановки китайской угрозы, разослал эту записку членам Политбюро. Рассчитывал он, видимо, при этом на антисемитизм партийной элиты.

Характерно во всем этом постепенное «взвинчивание ставок», перевод проблемы из плоскости реальных и очень непростых взаимоотношений отдельных государств и народов в сферу в чем-то запредельную, когда враг приобретает черты inferнальные, когда от его всемогущества и всеприсутствия охватывает сладкий ужас. Картина, при которой в мире живет и плетет жуткие интриги и заговоры миллиард евреев, – неслабое испытание для измученного ксенофобией сознания!

Вначале этот сюжет показался мне печальным курьезом, вывихом изуродованного ксенофобией сознания. Отсюда – название появившейся тогда статьи¹⁵. Сейчас же я думаю, что доведенный до абсурда вариант такого сознания, а тем более трезвый и циничный проект создания идеологической страшилки, дает большой материал для концептуализации и дальнейшего изучения проблемы возникновения и развития этнофобий. Для анализа феномена «великих ксенофобий».

Бросается в глаза, что подобные конструкции часто выступают в форме научного знания, самопрезентируются в таком качестве, а часто и воспринимаются таким образом. Тезисы «наука считает...», «наука

говорит нам...» являются излюбленной формой современного мифотворчества. Книга того же Р. Русакова перенасыщена ссылками на литературу (в том числе и научные исследования) на нескольких языках. Его версия «оеврейвания» Китая силами нескольких сотен семей кайфунских евреев выстроена не как собственное изобретение, а как часть историографической традиции.

При сопоставлении «великих ксенофобий» XX века бросается в глаза элемент трансцендентности, запредельности угрозы. Угроза воспринимается не как нечто рациональное или поддающееся рациональному обоснованию и / или объяснению, по крайней мере описанию, а как нечто таинственно-грозное, глобальное, всеобщее-вездесущее, мало зависящее от действий, воли и решений отдельных людей. Рок.

Чужой, представляющий опасность, предстает не в облике конкретного противника, имеющего совершенно реальные интересы, несущие в себе угрозу, пусть даже смертельную. Он становится персонификацией абсолютного зла, воплощением тотальной чужеродности, принципиальной несовместимости. Аналогом Дьявола. С ним невозможно договориться, сторговаться, достичь компромисса. Его логику невозможно понять. Конфликт с ним – это тотальное противостояние, смертельная война до полного уничтожения одной из сторон. А неконкретность, невидимость «врага» делает сомнительным возможность победы над ним.

По словам Л. Гудкова, «речь идет не о конкретных неприятностях или частных действующих лицах – противнике, оппоненте, социально опасном лице, т. е. предсказуемых и понимаемых по своим мотивам действиях. Для того чтобы этот актер стал «врагом», он должен получить ряд генерализированных характеристик: неопределенность и непредсказуемость, асоциальную силу, не знающую каких-либо нормативных или конвенциональных ограничений. При появлении «врага» не работают или уходят на задний план обычные системы позитивных вознаграждений и стимулов взаимодействия...»¹⁶. От «врага» исходит гроза, смертельная опасность самому существованию группы.

Были и существенные отличия. В США массовый приток китайских мигрантов и потрясения на рынке труда спровоцировали массовые антииммигрантские настроения, волну бытовой расовой вражды и насилия. Это стимулировало формирование мощного течения в массовой культуре – от карикатурного героя Желтого Малыша (Yellow Kid)¹⁷ до пережившего весь XX век образа «зловещего доктора Фу Манчу», героя серии детективных романов и нескольких фильмов – мистического восточного человека, хитрого, коварного, обладающего невероятным умом и огромной образованностью. Получившего европейское образование и знания и потому особенно страшного¹⁸. Это абсолютный злодей, стремящийся к уничтожению европейского мира. Скорее не человек, а существо, но существо индивидуализированное, яркая и уникальная личность.

В российской же традиции важнейшей характеристикой была массовидность – отношение к китайцам как к некоей однородной массе, в которой растворялась индивидуальность каждого. Не случайно применялись эпитеты «толпа», «муравьи», «саранча», «гнус»¹⁹. Индивид не воспринимается как субъект, а лишь как часть «муравейника». «Китайская толпа в синих лохмотьях, с одинаковыми безбородыми, безусыми желтыми лицами, бредет куда глаза глядят. Не сговаривается, не спорит, не противоречит... переговаривается

9. Тиссен А. Китай и евреи // Наш путь. Шанхай. 1941. № 11. 29 июня.

10. Криворотое В. «Желтая опасность», Амальрик, Киссинджер и Россия // В. Криворотое. Некоторые мысли к русской возрожденческой идее. Статьи и письма. Мадрид, 1975. С. 83–95.

11. Амальрик А. Просуществоет ли Советский Союз до 1984 года? // Погружение в трясину (Анатомия застоя). М.: Прогресс, 1991. С. 643–683.

12. Русаков Р. Дыхание драконов (Россия, Китай и евреи). М.: Москвитянин, 1995.

13. Pollak M. Mandarins, Jews and Missionaries: the Jewish Experience in the Chinese Empire. Philadelphia: The Jewish Publication Society of America, 1980; Zhou Xun. Chinese Perceptions of the "Jews" and Judaism: A History of the Youtai. Richmond: Curzon press, 2001; Козлов С. Нормы учения Конфуция не помешали «народу Книги» сохранить этническую идентичность и в Поднебесной // Независимая газета. 2006. 23 авг.

14. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. С. 255–257.

15. Дятлов В. Кунсткамера: идея о «желтой опасности» как части «мирового еврейского заговора» // Материалы Восьмой ежегодной Международной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2000. С. 281–283.

16. Гудков Л. Идеологема «врага»: «Враги» как массовый синдром и механизм социальной интеграции // Образ врага. М.: ОГИ, 2005. С. 12.

17. «В 1896 году карикатурист Ричард Фелтон Ауткольт нарисовал персонажа по имени Yellow Kid - «Желтый Малыш». Это был герой комиксов-карикатур – маленький хулиганистый грязнуля в длинном желтом балахончике. Он был лыс, лопух и беззуб – малолетний ехидный старикашка. Он издевательски щерился.

Прадедушка Симпсона и Бивиса с Баттхедом. Наверное, он был одним из первых рисованных героев поп-культуры.

Малыш своей желтизной обязан китайско-японской войне 1895 года, впервые озадачившей Запад проблемой японского милитаризма и вызвавшей волну ура-патриотической истерии, которую он и пародировал – желтые малыши имели недвусмысленно азиатские черты».

(Шерман Саша. Желтый мальчик в желтой реке // InterNet magazine, number 15. Доступно на:

www.gagin.ru/internet/15/index.html.

Последнее посещение: 31.01.2005.)

18. Western Visions: Fu Manchu and the Yellow Peril // The Illuminated Lantern. Revealing the Heart of Asian Cinema. 2000, vol.I. Oct.-Nov. Issue 5. (Доступно на:

<http://www.illuminated-lantern.com/fumanchu/index.html>); Сакс Ромер.

Зловещий доктор Фу Манчу. Оригинал: Sax Rohmer, The Mystery of Dr. Fu-Manchu (The Insidious Dr. Fu-Manchu), 1913. М. : Деком, 1993; Сакс Ромер. Возвращение доктора Фу Манчу. Оригинал: Sax Rohmer, The Devil Doctor (The Return of Dr. Fu-Manchu), 1916. М. : Деком, 1993; Сакс Ромер.

Рукадоктора Фу Манчу. Оригинал: Sax Rohmer, The Si-Fan Mysteries (The Hand of Fu-Manchu), 1917. М. : Деком, 1993; Сакс Ромер. Дочь доктора Фу Манчу. Оригинал: Sax Rohmer, Daughter of Fu Manchu, 1931. М. : Деком, 1993; Сакс Ромер. Невеста доктора Фу Манчу. Оригинал: Sax Rohmer, The Bride of Fu Manchu, 1933. М. : Деком, 1994; Сакс Ромер.

Президент Фу Манчу. Оригинал: Sax Rohmer, President Fu Manchu, 1936. М. : Деком, 1994; Сакс Ромер. Остров доктора Фу

одинаковыми шипящими, чиликающими голосами... И нет в ней предводителя, зачинщика, человека выше всей этой толпы на целую голову... В ней нет гордых, смелых, отчаянных голов... Все фигуры в китайской толпе по одному образцу, как фабричное изделие». «Толпа поднялась. Расползлась по козогору, заполнила пустое пространство и валом повалила к месту работ». «Но в этом равнодушии, полусне и полудремоте чувствуется терпеливое выжидание момента, скрытая настороженность. И кажется, что вот-вот они зашевелиятся все разом, задвигают желтыми белками, поднимутся и пойдут. И будут идти... из десятков вырастая в сотни, из сотен в тысячи... и все будут идти и идти, плодясь и размножаясь»²⁰.

Начало XXI века ознаменовалось актуализацией синдрома «желтой опасности» в России. Однако в его содержании произошли качественные сдвиги. Главное отличие я вижу в том, что реально из употребления вышел (или почти вышел) эпитет «желтый», качественно важный для рассматриваемого феномена рубежа XIX–XX веков. И сам термин «желтая опасность» употребляется сейчас больше именно как термин, исторически сложившееся словообразование. Куда более адекватными для характеристики нынешних страхов я бы посчитал слова «китайская экспансия». Они и употребляются все чаще и чаще.

Перенос центра тяжести с определения «желтый» на определение «китайский» представляется мне важнейшим, качественным сдвигом. Объект страхов не просто конкретизируется – он рационализируется.

Происходит движение от «врага» к «противнику». Дело не только, да и не столько в дифференцированном отношении к «желтым» – вряд ли кто-нибудь сейчас станет рассматривать в качестве единой общности с общими интересами китайцев и японцев, только исходя из их расовой принадлежности. Речь может пойти о более глубоких вещах. Отодвигается в сторону картина столкновения, «войны миров». Ужас перед цивилизационной катастрофой постепенно уходит из массового сознания, уменьшается и в трудах идеологов. Остается страх перед экспансионизмом Китая – фактором реальным или мнимым, но поддающимся рациональному описанию и объяснению, перед наплывом мигрантов, понимание угроз и «угроз» со стороны которых также лежит в рациональной плоскости. Постепенно уходит элемент запредельной, трансцендентной угрозы, «желтые» как враг с нечеловеческой, инопланетянской логикой и мотивацией действий. На нем, собственно, строилась вся конструкция синдрома «желтой опасности». Нельзя сказать, что он ушел совсем, – но ушла его системообразующая функция.

Нечто подобное произошло и с другой «великой ксенофобией». Кто теперь всерьез верит в «мировой еврейский заговор»? Антисемитизм существует, но его мобилизационный потенциал несопоставим с ситуацией вековой давности. Резкое ослабление инструментальных возможностей синдромов мирового еврейского заговора и желтой опасности к концу XX века дает основание для выдвижения гипотезы о том, что по мере рационализации фобий они теряют свою энергетику, оттесняются на более или менее далекую периферию массового сознания.

Однако же постепенно на смену «сионским мудрецам» и «зловещему доктору Фу Манчу» идет в массовом сознании еще более зловещий Бен Ладен, который в далекой пещере, с «калашниковым» в одной руке и ноутбуком в другой строит планы уничтожения современной цивилизации. Для этого он оплел весь мир своей «Аль-Каидой». Исламская угроза, не очень акту-

альная сотню лет назад, несет сейчас мощный иррациональный заряд, становится мощным инструментом идеологической и политической мобилизации.

Постепенно формируется и наполняется запредельными страхами мигрантофобия. Мигрант предстает в роли разрушителя основ цивилизации и культуры принимающего общества. Особенно если это мигрант представляет «исламский Восток». И эта фобия приобретает разные облики – от высоколобного конструкта «столкновения цивилизаций» до блестящего и убийственного образа итальянской журналистки О. Фаллачи.

В своем прошумевшем памфлете «Ярость и гордость»²¹ она описывает сидячую забастовку сомалийских мигрантов, к тому же и мусульман, требующих итальянского гражданства. «Итак, палатка была размещена прямо перед собором Санта Мария-дель-Фьоре и в нескольких шагах от Баптистерия. Она была меблирована как квартира: столы, стулья, шезлонги, матрасы, чтобы спать и совокупляться, примусы, чтобы готовить еду и заполнять всю площадь гарью и вонью. И все нарастало. Плюс электрическое освещение, плюс магнитофон, откуда шел голос муэдзина, взывающий к правоверным, попрекающий неверных, и этот голос оскорбительно заглушал прекрасный звон колоколов. В дополнение к общей картине – желтые полосы мочи оскверняли тысячелетний мрамор Баптистерия, так же как и его золотые двери... Господи! Далеко же стреляют их струи, этих сынов Аллаха! Баптистерий обнесен решеткой, а они через решетку попадали на расстояние более двух метров. Желтые полосы мочи, злование эксcrementов, перекрывающих вход в Сан Сальваторе-аль-Весково, изумительную романскую церковь IX века, прямо рядом с площадью, которую сыны Аллаха превратили в отхожее место, как и церкви Бейрута в 1982 году».

Впечатляющий и яркий образ вечного противостояния и непримиримой ненависти бедного большинства и богатых и высокомерных меньшинств, контролирующей рыночную экономику, мы находим в книге Эми Чуа²². Причем в роли последних могут выступать, по мнению автора, как традиционные «торговые меньшинства» (типа китайцев Юго-Восточной Азии)²³, так, по мере глобализации, вся современная Америка (как global market-dominant minority).

Вряд ли случайна невероятная популярность концепции столкновения цивилизаций, практически мгновенно превратившейся из спорной научной гипотезы в одну из ключевых идеологий современности. Она исходит из презумпции вечной и непримиримой вражды цивилизаций как действующих субъектов, «коллективных тел», принципиально несовместимых друг с другом. «Цивилизация» заменила теперь «расу» – категорию, безнадежно скомпрометированную в XX веке и остающуюся (в своем классическом, биологическом понимании) в арсенале идеологических маргиналов.

Небольшая иллюстрация на эту тему. Статья старшего научного сотрудника Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Татарстана Р. Ф. Мухаметдинова, характерная четкой формулировкой основных позиций²⁴. В современном мире ведут борьбу три силы – «Запад, Желтая цивилизация (Китай, Япония, Корея) и исламский мир. Основная борьба развернется между Западом и желтой расой». «Запад на данном этапе, – несомненно, экономический, технологический и военный гегемон современного мира. Желтая цивилизация в лице Китая быстро нагоняет Запад по всем параметрам». «Между двумя этими сила-

ми находится исламский мир, в экономическом и военном плане более слабый, чем две другие силы и который будет объектом влияния Запада и Желтой цивилизации».

В отличие от рассмотренных ранее конструкций, теперь уже Запад становится орудием агрессии евреев («мировой супернации, манипулирующей крупными державами») против исламского мира. «Исторически евреи являются несомненными гегемонами Запада». «Три страны составляют фундамент еврейского доминирования на Западе: Израиль (религиозно-духовная база еврейства), США (военно-технологическая база) и Россия (сырьевая база). Подавляющее большинство этого народа сконцентрировано именно в указанных странах. Учитывая их доминирование в финансах, сфере крупного бизнеса, СМИ, в политической сфере США и России, эти государства по своей сути можно считать еврейскими, с той или иной разницей, что в одном из них вместо иврита используется английский, а в другом – русский язык», «...конфликт и борьба происходят не между сообществом западных наций и мусульманами... а между мировым еврейством... и миром ислама. Запад для еврейства является лишь орудием в этой борьбе». «Евреи используют свое лидерство для того, чтобы руками Запада сначала подмять мусульман, а затем начать борьбу с Желтой цивилизацией за доминирование в мире».

И это не конфликт интересов, а смертельная схватка несовместимых ценностей: «... возвращенное на еврейской ментальности западное общество Неверующих Потребителей, расставшихся с ценностями чести, земли и единой веры, и сохраняющих лишь преданность ценностям прагматического обогащения, пришло в столкновение с исламским сообществом, еще не отказавшимся от чести, земли и веры».

Перед нами любопытная попытка использовать потенциал традиционных «великих ксенофобий» при конструировании новой идеологии. Для консолидации и мобилизации «мусульман» необходим враг (именно враг, а не противник) – и соблазнительно опереться на традицию при его формировании.

Вновь мы видим механизм взаимного усиления фобий за счет использования потенциала друг друга. Особенно, когда в их рамках конструируется идеология – как порождение фобий, с одной стороны, и как механизм их использования – с другой. Возникает при этом важный вопрос: такое использование – это свидетельство живучести и силы «великих ксенофобий» (еврейского заговора и желтой опасности)? Или же это инструментальное использование их «оболочек» для выстраивания актуальных идеологов?

Подобных текстов в Интернете много. Уже можно формировать массивы и подвергать их контент-анализу. Но можно и задать вопрос: когда и при каких условиях такие тексты начинают жить, воздействовать на сознание, приобретать мобилизационный потенциал? А когда остаются «белым шумом»? Проходят никем не замеченными, не прочитанными, интересными только их авторам? И это заставляет задуматься о соотношении в структуре ксенофобских комплексов массовых «народных» страхов и представлений, с одной стороны, и текстов, написанных профессионалами, продуцируемых идеологическими концептами – с другой. Эти компоненты находятся в взаимозависимости. Массовые неотрефлексированные страхи получают в текстах «слова», людям популярно рассказывают, чего они боятся и почему. Но и тексты живут, только если найдут почву, войдут в резонанс с массовыми народными страхами. Только это позволит им стать инстру-

ментом манипуляций и обрести мобилизационный потенциал.

С точки зрения профессионального анализа с текстами работать легче. Имеется большая исследовательская традиция, создан эффективный и достаточно изощренный теоретический инструментарий. Куда труднее изучать настроения и страхи «простых людей», тех, кто не пишет текстов, не умеет сформулировать, вербализировать суть своих страхов²⁵. Поэтому здесь так интересна статья М. Ахметовой об одной из «народных ипостасей» синдрома желтой опасности²⁶. Она исследует соответствующие представления в современной прицерковной среде. Китай и китайцы в них становятся частью картины апокалиптической катастрофы. Они занимают место «эсхатологического народа», иноземцев, чье нашествие предвещает конец света. Однако в этой картине им отводится место инструмента, орудия, природной стихии в руках настоящего «сатанинского воинства» – евреев. В ряде текстов китайцев на Россию натравливает Америка – центр масонства, «жидовское государство», где заседает тайное мировое правительство. Будучи язычниками, китайцы, конечно, служат сатане, но это служение редко описывается как сознательное, в отличие от «демонопоклонничества» евреев. Если китайцы и сравниваются с евреями, то последние всегда изображаются в более мрачных тонах. Автор прицерковной брошюры пишет: «У врага много служителей... но чада у него только одни, и это не китайцы и не паукусы»; и далее о мусульманстве, на место которого, следуя логике текста, можно поставить любую восточную религию: «Чисто жидовское изобретение, способ объединения и организации темных азиатов с целью натравить на Христианское Царство»²⁷. И здесь мы видим взаимопроникновение и взаимодействие ксенофобий, мотив инструментального использования одного врага другим, мобилизующую функцию эсхатологических мотивов.

На протяжении XX века заметно меняется и внутренняя структура «великих ксенофобий», и их место в общественном сознании. Мобилизующая сила резко падает по мере рационализации, ухода мистического, трансцендентного компонента. Однако освободившееся место немедленно занимает новая фобия, несущая в себе собственный иррациональный заряд. Это может свидетельствовать об общественной востребованности подобного конструкта, о том, что общество, или значительная часть его, нуждается в феномене запредельной угрозы. Нуждаясь, создает его.

22. Amy Chua. World on Fire. L.: Arrow Books, 2003.

23. Дятлов В. И. Предпринимательские меньшинства: торгаши, чужаки или посланные Богом? Симбиоз, конфликт, интеграция в странах Арабского Востока и Тропической Африки. М., 1996.

24. Мухаметдинов Р. Ф. Еврейский фактор во взаимоотношениях запада с исламским миром. Конфликт цивилизаций (Запад – Исламский мир)// <http://www.centrasia.ru/newsA.php4?st-1076195160>.

25. См., напр.: Дятлов В. «И тогда мама взяла обрез...» Самосуд и отношение к «чужакам» в общественном мнении российской провинции 1990-х годов // Вестник Евразии. 2008. № 4(42). С. 142–176.

26. Ахметова М. «Желтая угроза» в представлениях современной прицерковной среды // Антропологический форум. Современные тенденции в антропологических исследованиях. СПб. 2004. № 1. С. 238–249.

27. Там же. С. 243.

Манчу. Оригинал: Sax Rohmer, The Island of Fu Manchu, 1941. М.: Деком, 1994. (Доступно на: <http://www.oldmaglib.coni>)

19. Дятлов В. Миграция китайцев и дискуссия о «желтой опасности» в дореволюционной России // Вестник Евразии. 2000. № 1(8). С. 63–89.

Подробнее об этом: Кошелев А. Реванш «желтый» // Алфавит. 2000. № 35(93). Доступно на: <http://www.alphabet.ru/nomer.shtml?action=select&a=r82>.

О «китайских муравейниках» писал, например, А. И. Герцен (Герцен А. И. Былое и думы // Герцен А. И. Сочинения: в 9 т. М.: ГИХЛ, 1967. Т. 6. С. 67–68). Характерный пример: выдающийся полярный исследователь и общественный деятель Ф. Нансен, человек, чей природный гуманизм реализовался в гигантской по масштабам помощи беженцам и перемещенным лицам после Первой мировой войны, в помощи голодающим Поволжья, совершенно органично и естественно рассуждает в категориях расовых различий, противостояния и неизбежной битвы «рас» на взаимное уничтожение. (Нансен Ф. В страну будущего. Великий Северный путь из Европы в Сибирь через Карское море. Пг., 1915).

20. Вережников А. Китайская толпа // Современник. Кн. 3–4. СПб., 1911. С. 124–130.

21. Фаллачи О. Ярость и гордость. М.: Вагриус, 2004 (www.vagrius.i4i).